

Людмила **АРТАМОНОВА**,
доктор исторических наук

ПЕРВАЯ РЕФОРМА АЛЕКСАНДРА II

*Создание женской общеобразовательной школы
в начале правления царя-реформатора*

К. К. Грот.

Модернизационная направленность российских реформ XVIII–XIX веков никогда не определялась только социально-экономической, политико-административной или военной составляющими. В них всегда присутствовал образовательный компонент. Изменения в школьном деле, с одной стороны, должны были обеспечить и закрепить результативность проводившихся реформ во всех областях жизни. С другой стороны, развитие народного просвещения работало на перспективу. Оно создавало основу уже будущих преобразований, не только готовя для них кадры, но и перестраивая массовое сознание и даже ментальность народа. Система образования оказывала не меньшее воздействие на отдельных людей и общественные отношения, чем состояние хозяйства и управления¹.

Тем не менее в научной литературе о реформах императорской России преобразования в области просвещения и школы часто уходят на задний план, если не остаются вовсе без внимания. В отношении эпохи Александра II срываются ещё и стереотипы, закреплённые в устойчивых выражениях: «реформы 1860–1870-х годов», «отмена крепостного права и последовавшие за ней реформы». Тем самым автоматически теряются из поля зрения нововведения до 19 февраля 1861-го, включая реформу женского образования 1858 года. Она редко упоминается в общих трудах среди примет начавшихся в 1855–1860 годах перемен (гласность, амнистия политзаключённым, разрешение выезда за границу, обсуждение крестьянского вопроса). Эту реформу, конечно, помнят специалисты по истории российского образования и некоторые даже дают ей высокую оценку как первой в ряду «радикальных» школьных реформ Александра II². Однако за пределами круга специалистов мало

кто знает, что именно она была в деятельности царя-реформатора самой ранней.

Рассматривая причины и реализацию реформы, следует учесть её заметный «периферийный» акцент. В столицах и некоторых крупнейших городах уже имелось заметное число институтов и пансионов для девочек, устроенных придворным ведомством или частными лицами, поэтому здесь появление учебных заведений нового типа дополняло, а не открывало историю женского образования. Последствия этой реформы оказались заметнее в небольших провинциальных городах, где обучение девочек если и существовало, то в самых зачаточных формах. В 1840-х годах на весь Казанский учебный округ, охватывающий Поволжье, Урал, Сибирь, приходилось 2 института благородных девиц и 7 частных женских пансионов. Попечитель округа М. Н. Мусин-Пушкин ещё в 1829 году высказывал тревогу по поводу уровня просвещения женщин в провинции: «В России много сделано для образования молодых людей, для девиц, исключая столиц, почти ничего»³.

Обширное пространство провинциальной России потребовало определённого исследовательского выбора. Он пал на города Поволжья, где очень живо и деятельно откликнулись на реформу женского образования, несмотря на то, что проблемы с грамотностью даже мужского населения здесь были весьма острыми. Например, попытка в 1844 году ввести в Саратове правило не допускать неграмотных горожан к подписи общественных приговоров была сочтена теми за «совершенную обиду» и отвергнута⁴.

Особый интерес представляет Самара, в которой реформа 1858 года получила дополнительные импульсы и где её результаты проявились очень отчётливо. Тому были причины. Самарская губерния была образована только в 1851-м⁵. Её становление и развитие, в том числе в области культуры, шло одновременно с реформами Александра II. Создание женских школ здесь началось при участии здешнего губернатора, известного своей государственной, благотворительной и просветительской деятельностью Константина Карловича Грота (1815–1897)⁶.

По сути, женского школьного образования в России не существовало до царствования Екатерины II. Но и в первой половине XIX века не только дворяне и чиновники, но и состоятельные горожане, в том числе в провинции, предпочитали давать своим дочерям домашнее образование или отдавать их в частные пансионы, если имелась такая возможность. Однако ни домашнее или семейное обучение, ни частная школа не могли обеспечить массовую и эффективную учёбу девочек. Мусин-Пушкин, высказывая в 1829 году мнение прогрессивной части русского общества, считал, что «нельзя достигнуть высшей степени просвещения, если целая половина человеческого рода, которая необходимо должна быть первой наставницей детства нашего, останется в глубоком

невежестве». Попечитель Казанского учебного округа вообще полагал, что частные пансионы не только недоступны для небогатых дворян и подавляющего большинства горожан, так как слишком дороги, но и могут быть вредны из-за своей бесконтрольности. Он предлагал противопоставить им целую систему общеобразовательных школ для девочек из дворянских и разночинских семей⁷.

В 1846 году, будучи уже попечителем столичного Санкт-Петербургского учебного округа, Мусин-Пушкин обратился к министру народного просвещения с конкретным предложением об открытии в Петербурге нового типа женского «высшего» училища. Оно, во-первых, предназначалось «исключительно для учениц приходящих», не оторванных от воспитания «вне круга своих семейств». Во-вторых, его контингент представлялся более широким, нежели в закрытых институтах и частных пансионах. Здесь даже «дочери и небогатых дворян и чиновников могли получать образование, соответственное состоянию их родителей и за умеренную плату». В случае успеха этого предприятия образовательные учреждения по его примеру стали бы открываться в разных частях столицы, а «потом и губернских городах». Мусин-Пушкин был не одинок. Его проект одобрили и министр народного просвещения, и главный совет женских учебных заведений ведомства императрицы Марии — предложив расширить возможный контингент и разрешить обучение в училище дочерей купцов 1 и 2-й гильдии. Тем не менее проект не был осуществлён из-за отказа выделить на него казённые средства⁸.

Предложения Мусина-Пушкина были поддержаны верховной властью в самом начале царствования Александра II. 5 марта 1856 года министр народного просвещения Авраам Сергеевич Норов подал Александру II всеподданнейший доклад. В нём повторялись многие идеи, высказанные во второй четверти XIX века. Доклад был одобрен. Министерство разослало по учебным округам и губернским дирекциям училищ циркулярное письмо: «Его Императорское Величество изволил обратить внимание Своё, что принятые доселе меры к образованию детей женского пола не вполне удовлетворяют потребностям настоящего времени. Заведения, обязанные существованием своим и успехами высоким попечением Августейшего Дома, предназначены для дочерей одного сословия дворян и чиновников. Лица среднего сословия в губернских и уездных городах лишены средств дать дочерям своим необходимое образование, соответственное скромному их быту... Поэтому учреждение открытых школ для девиц в губернских и уездных городах и даже больших селениях дополнило бы великую и стройную систему народного образования, обнимая собой общие и частные нужды всех состояний и обоих полов». Высочайшее повеление предписывало «приступить к соображениям об устройстве на первый раз в губернских городах женских школ, приближенных по курсу к гимназиям, по мере способов, которые к тому могут представиться»⁹.

К обсуждению вопроса министр привлёк попечителей учебных округов, в том числе Мусина-Пушкина, который отозвался первым из своих коллег. В отличие от частных пансионов, в которых преследуются прежде всего коммерческие цели их устроителей, полагал он, посещение общественных школ более способствует умственному и нравственному развитию девочек, снижает затраты родителей на обучение детей, а последних не отрывает от семьи и не лишает семейного воспитания¹⁰. Добавим, что те девочки, которых родители смогли устроить в закрытые школы на казённое содержание, оказывались в достаточно тяжёлых бытовых условиях. Оторванные от родного дома, они порой недоедали, о чём применительно как раз к 1850-м годам вспоминали воспитанни-

цы даже самых престижных столичных институтов — Смольного и Екатерининского¹¹.

По результатам этого обсуждения 30 мая 1858 года Александром II было принято и утверждено «Положение о женских училищах Министерства народного просвещения»¹². Параллельно Министерству народного просвещения (МНП) и даже с некоторым опережением созданием открытых женских учебных заведений озаботилось Ведомство учреждений императрицы Марии. 15 марта 1858-го был подписан проект, разработанный по инициативе выдающегося педагога Н. А. Вышнеградского и поддержанный членами императорского дома. В результате в Петербурге была организована первая школа указанного ведомства для приходящих учениц, названная Мариинским училищем¹³.

Итак, создание средних учебных заведений для девочек пошло двумя путями. В зависимости от ситуации в конкретном городе открывались или новые министерские училища (позднее — гимназии), или мариинские, как, например, в Саратове¹⁴.

Первая средняя школа для девочек ведения МНП была создана в Костроме. Это произошло в 1857-м, то есть ещё до принятия «Положения», по специальному разрешению указанного министерства. Однако костромской опыт, который поддержал Александр II своим посещением этого училища в 1858 году, был исключительным. Финансовые проблемы были практически сразу решены щедрым даром одного лица — А. Н. Григорова, пожертвовавшего училищу прекрасное здание, землю и другую недвижимость, взявшего на себя оплату труда учителей и воспитательниц¹⁵.

Самара. Памятник Александру II.

В других городах столь щедрых благотворителей не оказалось. Пришлось собирать средства «с миру по нитке», для чего потребовалось и активное вмешательство губернских властей. Это было труднее, однако позволяло сделать заботу органов власти и местного самоуправления о школах для девочек более системной, а участие жителей — более солидарным. В Самаре открытие в 1859 году женского училища 1-го разряда (будущей женской гимназии) явилось как раз успехом взаимодействия губернской администрации с общественностью. Губернатор Грот предпочёл трактовать «Положение» 1858 года расширительно, рассматривая его как призыв к созданию не только средних, но и начальных женских учебных заведений, которые, хотя и предусматривались в действующем школьном законодательстве Николая I, но на практике не существовали.

Удивительно, но особенно плачевным положение с начальным женским образованием было именно в городах. Сельская школа, во всяком случае, в отдельных регионах даже обгоняла городскую по привлечению девочек к учёбе, правда, на самом элементарном уровне. В училищах министерства государственных имуществ, которые были устроены для государственных крестьян и приравнены по статусу к приходским, в Самарской губернии в 1855 году обучалось 16 585 человек, в том числе 8970 мальчиков (54%) и 7615 девочек (46%)¹⁶, то есть их доли приближались к естественному демографическому соотношению полов. Школы для девочек устраивали в своих селах и просвещённые помещики, и удельное ведомство¹⁷.

Создание общеобразовательных женских школ после 1858 года шло без государственного финансирования, а потому зависело от позиции местных властей и городских обществ. Инициатива губернатора в таких условиях играла первостепенную роль, хотя, строго говоря, руководство учебным делом не входило в прямые обязанности начальника губернии. Однако Грот считал эту сферу деятельности если не служебным, то общественным и нравственным долгом. Самарский губернатор не питал иллюзий в отношении стремления обывателей к просвещению. По его признанию, он редко находил «случай оказать содействие в деле образования», поскольку жители о том мало перед ним хлопотали. Приходилось оказывать давление на местное общество и использовать административные рычаги. Одновременно Грот сетовал на отсутствие «содействия со стороны местного училищного начальства к увеличению числа учебных заведений»¹⁸.

Появление среднего учебного заведения для девочек в Самаре было предварено и сопровождалось появлением двух женских приходских училищ в губернском и ещё нескольких — в уездных городах. Первое из них формально было создано по приговору самарского городского общества от 12 февраля 1858 года, но фактически — по инициативе губернатора, с которой он обратился к местному самоуправлению 31 декабря 1857-го. Училище было открыто 2 сентября 1858 года. Оно финансировалось из городских доходов, что делало обучение бесплатным. При открытии в него поступило 17 девочек¹⁹.

Уже на следующий год их количество увеличилось до 44. В числе учениц насчитывалось 12 дочерей дворян и чиновников, 29 — купцов и мещан, 3 — разночинцев и крестьян. На следующий год было открыто второе женское приходское училище, куда было принято сразу 72 ученицы. Оно находилось в другой части города, что позволило расширить охват девочек школьным образованием²⁰.

С открытием женских училищ в городах губернии не всё и не всегда шло гладко. Губернатор мог и излишне жёстко поступить с теми, кто, как он полагал, мешает усилиям в деле образования девочек. Под горячую руку попал учитель Гавриил Никитич Потанин, автор оригинальных трудов о Самаре в жанре «устной истории»²¹. Он работал в Бугульме, где поссорился с влиятельными родителями отдельных учениц из приходского училища и в 1859 году был необоснованно уволен со службы²². Это заставило Потанина уехать в Петербург, где он получил поддержку Н. А. Некрасова, который помог ему вновь устроиться на работу и опубликовать в журнале «Современник» роман «Старое старится, молодое растёт»²³.

Новые для провинциальных девиц школьные занятия неожиданно оказались для многих успешными. Сравнивая между собой «по успехам мужские и женские приходские училища» в городах, современники находили, что дела в женских шли лучше: «Девочки большею частью поступают в начале академического года, аккуратнее посещают уроки и добросовестнее относятся к своим классным обязанностям»²⁴.

На церемонии открытия первого женского приходского училища в Самаре было подчёркнуто, что его создание прошло в тесном взаимодействии губернской администрации и органов самоуправления. Местная газета это отметила особо: «Городской голова В. Е. Буреев короткой речью от имени городского общества выразил благодарность г. Начальнику губернии за живое участие в деле учреждения школы. В ответ на это Его Превосходительство сказал, что средства для основания этого начального училища даны ему городским обществом, и он надеется, что, удовлетворив необходимой потребности одного слоя граждан, общество поможет ему и в деле основания губернского училища для девиц, где могли бы получать соответствующее требованиям времени образование дети другого, высшего круга городского сословия»²⁵. Из слов Грота было понятно, что в Самаре уже велась работа по реализации официально обнародованной цели реформы — созданию средней женской школы.

Исправить положение с состоянием обучения дочерей тех жителей Самары, которые стремились дать своим детям образование выше начального уровня, но не имели средств для его оплаты в частных школах, вновь помогли совместные усилия общественности и губернской администрации. Для этого прибегали к добровольным пожертвованиям, устройству лотерей, благотворительных литературно-музыкальных вечеров, домашних спектаклей и концертов. Гастролировавших в Самаре артистов обязывали давать представления, сбор от которых поступал в пользу будущего училища. На его устройство и со-

держание в 1858 году городское общество установило особый ежегодный сбор, ассигновало средства из других городских доходов. Значительные средства выделил Приказ общественного призрения, ведавший на губернском уровне образованием, здравоохранением и социальными вопросами. Местное дворянство организовало в пользу женского училища единовременный сбор: по 4,25 рубля с каждых 1000 десятин помещичьей земли. Исходя из собранных средств, город счёл возможным просить о разрешении открыть училище и купить для него здание. 13 июня 1859 года управляющий Казанским учебным округом утвердил устав Самарского женского училища 1-го разряда, которое открылось 7 августа.

Училище стало не только образовательным, но и новым культурным центром губернского города. Так, фонды Самарской общественной библиотеки, открытой по инициативе и при прямом содействии губернатора 1 января 1860 года, первоначально расположились как раз в здании, купленном для женского училища²⁶.

В конце 1850-х годов в глазах общественности начавшаяся реформа женского образования по степени интереса стояла рядом с подготовкой крестьянской реформы. Это подчёркивал и известный историк А. А. Корнилов: «В момент общественного подъёма, вызванного работой губернских комитетов по крестьянскому делу во всех провинциальных губернских городах, не говоря о столицах и крупных университетских центрах, повсюду мы видим не только оживлённые толки на эту тему, но и деятельный сбор пожертвований на открытие женских училищ». В печати вышло «много статей, посвящённых этому вопросу, и обсуждение его сильно захватывало и волновало все мало-мало интеллигентные семьи в то время как в столицах, так и в провинции»²⁷.

Столь активный интерес жителей, в том числе рядовых горожан, к женской школе и деятельное их участие в её обеспечении являются ещё одним аргументом в пользу позиции Б. Н. Миронова и других учёных, которые не находят в 1859–1861 годах признаков «революционной ситуации»²⁸. Готовность общества к созидательной работе вместе с властью, наличие средств, без особого напряжения мобилизованных на нужды культуры и образования, никак не свидетельствуют ни об обнищании масс, ни о противостоянии «верхов» и «низов».

Единственная тогдашняя самарская газета предпочла тогда, правда, сравнить внимание местной публики к открытию губернского комитета по крестьянскому делу с восторгами по поводу «Фантастических вечеров» заезжего фокусника Ж. Мартини. Однако иллюзионист оказался вполне достойным сыном эпохи, направив интерес к себе жителей и газетчиков на общественно значимую проблему. Он дал специальное представление, сбор от которого целиком пошёл в пользу женского училища, билеты продавались по повышенной цене, а за удобные места взималась дополнительная плата, которую охотно вносили зрители-купцы. Это дало газете повод поблагодарить их за щедрость, ещё раз призвать к пожертвованиям на училище, указав желающим «принести лепту на образование меньшей братии» (так почему-то была здесь названа прекрасная половина человечества), что «с приношениями можно обращаться в канцелярию г. Начальника губернии»²⁹.

Полный курс обучения в женском училище 1-го разряда был рассчитан на 6 лет. К обязательным предметам принадлежали закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, краткие сведения из естественной истории, чистописание и рукоделие. От платы за обучение обязательным предметам могли освободить бедных девушек из тех сословий, представители которых вносили постоянные взносы на содержание училища, то есть из дворян и горожан, более

Самара. Губернская земская управа.

того, такие ученицы снабжались бесплатно учебными пособиями. К необязательным предметам относились французский и немецкий языки, рисование, музыка, пение, танцы. Необязательные предметы преподавались за особую плату, которая устанавливалась по соглашению родителей учениц с начальницею училища³⁰.

Размер платы за обучение мог стать серьёзной проблемой и причиной конфликтов. На торжественном акте 26 июня 1860 года в Самарской мужской гимназии исполняющий обязанности ее директора и руководителя дирекции всех самарских училищ В. Г. Варенцов, посчитав в целом благополучным состояние городских женских приходских школ, число которых в губернии достигло уже восьми, раскритиковал ситуацию в женском училище 1-го разряда: «Высокая оплата за ученье... с приходящей ученицы часто мешала родителям отдать детей в училище, которое с тем и основано, чтобы сделать образование доступным людям небогатым. Внешняя роскошь и форма платья, введённая вопреки уставу, также пугала людей недостаточных»³¹.

Эти негативные явления пришли в новую школу из старой пансионной системы. Опасения за отсутствие в Самаре необходимого количества подготовленных учениц, учителей и учебных пособий заставили пойти на то, чтобы назначить начальницею женского училища 1-го разряда содержательницу местного пансиона Н. Фланден, а её воспитанниц сделать основой контингента учащихся. Возможности сочетания пансиона и открытой школы предусматривались и в «Положении о женских училищах» 1858 года, и в нормативных документах — циркулярах МНП и губернских администраций. Однако эти же акты прямо указывали на недопущение «никакого излишества, а тем более роскоши»³², запрещали взимать с приходящих учениц в училищах 1-го разряда плату выше 35 рублей³³. В Самаре же этот лимит был превзойдён втрое, поскольку начальница продолжала смотреть на учебное заведение как на коммерческое предприятие, а от всех учениц требовать элитарного облика и поведения.

Шум раздуть не стали. Летом 1860 года, уже после переезда Грота в Петербург, начальница получила увольнение по собственному «прошению» (тут же объявив о возобновлении самостоятельной работы своего пансиона). Однако времена изменились. Конкурентные преимущества новых женских училищ сказались быстро и повсеместно. С их появлением частные пансионы для девочек или прекращали деятельность, или старались преобразоваться в такие учи-

лица. Общественная женская школа выигрывала у частной. Фланден так и не смогла возобновить пансион в Самаре, переведя его в Симбирск³⁴, где ещё не было полной средней общественной женской школы. 27 декабря 1859 года здесь открылось Мариинское женское училище 2-го разряда. Оно было пока лишь трёхклассным с наполовину укороченным по сравнению с Самарским сроком обучения³⁵.

В 1860/1861 учебном году в Самарском женском училище 1-го разряда обучались 45 учениц: 27 дочерей дворян и чиновников, 15 — купцов и мещан, 3 — лиц духовного звания. Эти цифры, скромные для современной школы, были тогда недостижимы для частных пансионов в провинции³⁶.

Реализация первой реформы Александра II в провинции оказалась проверкой на готовность к более глубоким переменам для руководителей администрации и общественных сил. В Самарской губернии они выдержали эту проверку достойно, накопив ценный опыт. Не случайно впоследствии Константин Грот стал творцом и проводником целого ряда будущих реформ: акцизной, тюремной, социального призрения и благотворительности³⁷. Разбуженная активность жителей Самарской губернии способствовала тому, что именно здесь были созданы в 1865 году первые в России земские учреждения. Нововведения в женском образовании стоят в общем ряду Великих реформ.

30 августа 1889 года в Самаре торжественно был открыт памятник Александру II. Присутствовавший на церемонии Евгений Фёдорович Кони (1843–1892), родной брат знаменитого юриста Анатолия Фёдоровича, посвятил взволнованному его событию бесхитрое, но искреннее стихотворение, в котором были такие строки:

*Холст сдёрнули... И вот перед толпой
Предстал в величии Монарх Освободитель. —
Царь-Мученик, пестун земли родной,
Свободы, прав, законности ревнитель...
Друг просвещения, искусства и наук,
Сын Церкви ревностный, слуга и страж закона
Он ненавидел лезть — и правды чистый звук
Свободно допускал с доверием до трона...³⁸*

Как и в других городах России, самарский монумент Александру II был снесён после революции. Однако вклад этой эпохи в пробуждение общественной активности, развитие культуры и просвещения нельзя изъять из истории.

г. Самара

При оформлении статьи использованы снимки из фондов Самарской областной универсальной научной библиотеки.

Примечания

1. Артамонова Л. М. Государственная политика в области народного просвещения и её реализация в русской провинции XVIII — первой половины XIX веков // От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности. Материалы международной научной конференции. СПб. 2013. С. 291.
2. Паршина В. Н. Становление системы женского образования в России во второй половине XIX — начале XX века: на материалах Пензенской губернии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза. 2007.
3. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 2918. Л. 1.
4. Бирюкова А. Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара. 2009. С. 188–189.
5. Смирнов Ю. Н. Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. М. 2013. С. 331, 335.
6. Он же. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII — середина XIX вв.). Дис. ... докт. ист. наук. М. 1999. С. 393.
7. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2918. Л. 1–2 об.
8. Лихачёва Е. О. Материалы для истории женского образования в России, 1086–1856. Ч. III. СПб. 1899. С. 180–183.
9. Самарские губернские ведомости (далее — СГВ). 1858. 25 октября. № 43. Часть неофиц. С. 271.
10. Рыболова Е. А. Объективная необходимость открытия женских гимназий в 60–70-е гг. XIX в. // Классическое гуманитарное образование: история и перспектива. Ульяновск. 2010. С. 387.
11. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М. 2010. С. 465–467.
12. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1858. Июль. Ч. XCIX. С. 7–11.
13. Логинова О. А. Становление и развитие гимназического образования в российской губернии в XIX — начале XX вв. (на примере гимназий Пензенской губернии). Пенза. 2007. С. 66.
14. Шилина Т. А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII — начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов. 2010. С. 24.
15. Полтавская Е. И. «Григорьев-вальс», первая женская гимназия в России и её библиотека // Школьная библиотека. 2007. № 3. С. 66–67.
16. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004. Л. 413 об.
17. Смирнов Ю. Н. Народное просвещение и научные исследования // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI — первая половина XIX века. М. 2000. С. 259–260.
18. Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 — 30 октября 1897): материалы для его биографии и характеристики. Т. 1. Пг. 1915. С. 111–112.
19. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7483. Л. 10, 12.
20. Артамонова Л. М. Губернатор К. К. Грот и развитие женского образования в Самарском крае в середине XIX века // Гротовские чтения: материалы II межрегиональной науч.-практ. конф. Самара. 2011. С. 62.
21. Смирнов Ю. Н. Устная история «молчаливого большинства»: основные вехи прошлого Самары в представлениях купцов и мещан середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5–1. С. 222–223.
22. РГИА. Ф. 733. Оп. 48. Д. 73.
23. Артамонова Л. М. Рукописи Г. Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» — замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 232–233.
24. Памятная книжка Самарской губернии за 1863–1864 гг. Самара. 1864. С. 67.
25. СГВ. 1858. 6 сентября. № 36. Часть неофиц. С. 214.
26. Курмаев М. В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII — начало XX вв.) Самара. 2013. С. 191.
27. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М. 1993. С. 255.
28. Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 633.
29. СГВ. 1858. 11 октября. № 41; 25 октября. № 43. Часть неофиц. С. 253, 270.
30. Алабин П. В. Самара: 1586–1886 гг. Самара. 1992. С. 90.
31. СГВ. 1860. № 28. Часть неофиц. С. 240–242.
32. СГВ. 1858. 25 октября. № 43. Часть неофиц. С. 579.
33. ЖМНП. 1858. Июль. Ч. XCIX. С. 9.
34. СГВ. 1860. 25 июля. № 30; 30 июля. № 31; 1 октября. № 40. Часть неофиц. С. 257, 271, 340.
35. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Ч. II. СПб. 1868. С. 409.
36. Артамонова Л. М. Первые шаги женского образования в русской провинции с конца XVIII в. до 1861 г. (на примере юго-востока Европейской России) // Проблемы российской и социальной истории. Самара, 2011. С. 139–140.
37. Государственные деятели России XIX — начала XX в. М. 1995. С. 59–60.
38. Аншаков Ю. П. О стихотворении Евгения Кони «Пред памятник» // Самарский земский сборник. 2012. № 1(21). С. 93–94.